

Н. Ю. Соколова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4149-8901

E-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

Интерпретация советской действительности в англоязычном искусствоведческом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье приводятся результаты исследования, посвященного выявлению представлений о советском государстве в англоязычном искусствоведческом дискурсе. Учитывая высокую степень идеологизации советского изобразительного искусства, англоязычные специалисты склонны интерпретировать советскую действительность и давать собственные оценки ее явлений. Предметом исследования выступают фрагменты дискурса, содержащие оценочные суждения и языковые объективации осмыслиения советских реалий. Исследование ставит целью определение способов индивидуальной интерпретации советского политического устройства, отношений государства со сферой искусства, особенностей национального менталитета и проводится на пересечении когнитивного, лингвокультурологического и дискурсивного подходов. В статье предлагается алгоритм выявления и описания категориальной структуры «интерпретационный блок», понимаемой как часть когнитивного пространства, в которой закреплен процесс и результат интерпретации отдельных феноменов действительности. В статье анализируются интерпретационные блоки, репрезентирующие представления о советском государственном аппарате, социальной стратификации, социальных возможностях. Работа выявляет, что англоязычными специалистами в области искусства советская действительность часто рассматривается в сравнении с западной организацией общества и оценивается негативно. Государство репрезентируется как структура, схожая с сицилийской мафией, применяющей методы контроля и запугивания на подвластной ей территории. По отношению к сфере искусства государство видится как доминирующий орган управления, который выполняет функцию патрона и выстраивает отношения с клиентами на основе цензуры. Вместе с тем отмечаются и положительно оцениваемые явления, например, советское образование, рассматриваемое как образцовое даже для других государств. Результаты и материалы работы могут быть применены в когнитивной лингвистике, политической лингвистике, лингвокультурологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советская действительность; Советское государство; политический дискурс; искусствоведческий дискурс; изобразительное искусство; интерпретационные блоки; когнитивное пространство; национальный менталитет; английский язык; лингвокультурология; бинарная оппозиция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Соколова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии и лингвокультурологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; e-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Соколова, Н. Ю. Интерпретация советской действительности в англоязычном искусствоведческом дискурсе / Н. Ю. Соколова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 1 (85). — С. 124-132. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_11.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнение при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Спустя десятилетия с момента прекращения существования Советского государства исследователи задаются вопросом о том, что будет представлять собой период, который последует за постсоветским [Buckler 2009]. Тем не менее, наряду с изысканиями, предлагающими к рассмотрению вопросы перспективы, в различных областях знания актуальны исследования, отмеченные устойчивым интересом к процессам и явлениям советской эпохи. Как в отечественной, так и в зарубежной науке осмыслинию и пересмотру подвергаются внешне- и внутриполитический имидж Советской страны в целом и отдельные сферы государственной деятельности: политика, культура, наука, искусство и пр. [Блощенко 2012;

Котеленец 2013; Янковская 2018; Goode 2010; Vernon 2017]. Часто рассмотрение широкого спектра вопросов, связанных с функционированием государства, проводится специалистами через призму политико-идеологической оптики, в том числе при проведении изысканий за пределами непосредственно области политологии.

Для обоснования выбора искусствоведческого дискурса в качестве объекта данного лингвистического исследования целесообразно отметить, что взаимодействие искусства, государственного строя и общественного порядка находит отражение еще в античной философской мысли, воплощаясь одновременно в образчиках культуры Древнего мира. Однако, учитывая сравнительно

недавнее становление искусствоведения как научной отрасли, действительно значимым представляется тот факт, что уже на самых ранних этапах разработки его методологии взаимосвязь вопросов искусства и государства находится в фокусе исследовательского внимания. В XIX в. английский художник и мыслитель Джон Рёскин, которого называют создателем современного искусствоведения и современной критики искусства, проводил прямую параллель между способами бытования искусства и глобальными государственными интересами, касающимися сохранения национальной идентичности в разных сферах: от образования до природного ландшафта [Рёскин 2017: 53—57]. Справедливость и универсальность размышлений основоположника искусствознания подтверждает и то историческое обстоятельство, что одна из его книг, в которой он изложил принципы гуманизации экономики через обращение к законам и задачам искусства, оказала значительное влияние на содержание социальной программы политического и общественного лидера Махатмы Ганди [там же: 12].

Предлагаемые лингвистикой дефиниции искусствоведческого дискурса ожидаемо сообщают о том, что его фокус направлен на область искусства: он определяется как «целенаправленная деятельность применительно к сфере искусства, осуществляемая ее участниками в форме устной и письменной речи, в соответствии с принятыми в обществе правилами, нормами, стандартами» [Милетова 2012: 40]. Отдельную роль в анализе и оценке объектов искусства исследователи отводят интерпретации, утверждая, что субъект постигает невербальный вид художественного творчества с помощью механизма рецепции, подвергает его собственной оценке, кодирует вербально и тем самым интерпретирует [Елина 2003: 5].

Вместе с тем в разговоре о советском изобразительном искусстве едва ли оспоримо утверждение о том, что в разных своих проявлениях оно неразрывно связано с вопросами идеологии и государственности: одновекторно — соцреализм как официальный художественный метод — или разноравленно — нонконформистские течения, существовавшие «вопреки». Высокая степень идеологизации советского искусства была по сути констатирована как факт в работе А. В. Луначарского «Советское государство и искусство» на заре образования молодой страны [Луначарский [www](#)].

Таким образом, конструируя смыслы произведения изобразительного искусства, анализируя факты жизни и творчества художника, создавая критический текст о куль-

турном событии, искусствоведы вместе с тем интерпретируют социopolитический контекст, в который помещен непосредственный объект их профессионального внимания. Представления зарубежных — в данном случае англоязычных — искусствоведов о советской действительности особенно интересуют нас с точки зрения понимания механизмов, посредством которых иноязычное сознание осмысливает процессы и явления советской эпохи в соотнесении с областью искусства, а также с позиции определения способов интерпретации советской действительности с учетом принадлежности авторов к отличающейся культурно-языковой общности и иной ментальности.

Оперировать схемами — «удивительное свойство нашего сознания» [Строева 2019: 11]. Оптимальная работа когнитивной системы возможна только при условии схематизации, или структурирования, знания [Болдырев 2016: 12]. Схемы, которые применяет человек для упорядочивания собственного опыта и языковой информации, носят интерпретационный характер [там же]. Н. Н. Болдырев предлагает широкое и узкое толкования понятия интерпретации. В широком смысле интерпретация представляет собой «практически любую мыслительную операцию, направленную на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня» [Болдырев 2011: 11]. В узком — применимом в данной работе — толковании «интерпретация — это языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [там же]. Языковая интерпретация выполняет три функции, представляющие собой селекцию, классификацию и оценку [Болдырев 2016: 13].

Таким образом, очевидно можно говорить о том, что интерпретация представляет собой сложный процесс, предполагающий субъективизацию действительности через формирование когнитивных схем, в результате чего происходит закрепление незнакомых или чуждых прежде явлений действительности как принадлежности собственного сознания.

Учитывая многомерность некоторых феноменов мира, например, явлений советской действительности, до полной противоположности отличающихся от принципов организации западного общества, объем интерпретируемой информации оказывается значительным и складывается в некое тематическое когнитивное пространство (по Д. Б. Ньюби), понимаемое как человеческий опыт, который

выражен во взаимодействии концептов, формирующихся, развивающихся и претерпевающих изменения в ходе познания [Егорова 2012: 62]. С нашей точки зрения, при интерпретации полипсихических явлений в когнитивном пространстве выделяются более дробные, соотносящиеся друг с другом категориальные структуры, так называемые интерпретационные блоки. Под интерпретационными блоками понимаются когнитивные ареалы, хранящие специфические черты процесса и результата субъективизации отдельных явлений действительности, имеющие условные границы ввиду сопряженности самих интерпретируемых явлений и относящиеся к тематически более широкому когнитивному пространству как части к целому.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили англоязычные тексты о советском изобразительном искусстве, вмещающие в себя темы личностей художников (в частности скульптора Эрнста Неизвестного), их творчества и линий жизни. Критерием для отбора материала послужило наличие у авторов текстов личного опыта посещения Советского Союза и знакомства с художниками, что, на наш взгляд, предполагает более выраженную оценочную функцию интерпретации советской действительности с опорой на собственные впечатления.

В ходе анализа указанного материала были выявлены дискурсивные фрагменты, репрезентирующие наполнение интерпретационных блоков, образующих когнитивное пространство Советская действительность.

Обратимся к языковой репрезентации интерпретационного блока «Государственный аппарат».

(1) *Rather than a superpower, the Soviet state resembled more the Sicilian mafia, composed of powerful “families” with turf to secure and investments to protect and ruthless in its methods of control and intimidation. The Union of Artists, Academy of Art, Ministry of Culture, and KGB were such “families” that finally ganged up on the quintessential outsider who threatened everything they stood for — Neizvestny, the “unknown one”* [Leong 2002: 167].

Пример (1) иллюстрирует интерпретацию способа организации властных структур Советского государства, который, по мнению автора, схож с принципом организации сицилийской мафии, оплотом которой являются семейственность и методы контроля и запугивания. Данный фрагмент выявляет индивидуальное переосмысление универсального концепта СССР — супердержава и его неприятие автором. Альберт Леонг, по-

святивший свой исследовательский труд жизни и творчеству скульптора и художника Эрнста Неизвестного, посредством выбора соответствующих лексических средств (*the Sicilian mafia, powerful “families”, gang up on the outsider*) проводит параллель, которая, обладая четко выраженной коннотативностью и высоким оценочным потенциалом, репрезентирует представления о стране как о территории бандитизма.

Интересно, что концепт *бандитизм* встречается и в тексте другого исследователя творчества Эрнста Неизвестного — британского искусствоведа Джона Бёрджера. Пример (2) иллюстрирует интерпретацию автором характерных черт скульптора, а также репрезентацию причинно-следственных связей между складом личности и его восприятием оппонентами — идеологическими противниками-конформистами — в качестве бандита.

(2) *His enemies talk about him as though he were a kind of bandit. Nothing could be further from the truth, but, given their prejudices, the conclusion is understandable... But seen exclusively as an opponent, he appears coarse, defiant, intractable. Or worse than that, for it is impossible to disregard his intelligence. For his enemies his intelligence is transformed into cunning. And once again his manner can encourage the illusion. He gives the impression of a man driven by deep inner compulsions, who nevertheless misses nothing of what is happening around him. A man who warily but undeviatingly pursues his own ends* [Berger 1997: 16].

Таким образом, пример (2) задает обратный вектор проиллюстрированному в примере (1) направлению представлений о бандитизме в СССР. К слову, в одном из телевизионных интервью, записанных уже в постсоветский период, сам скульптор также вербализовал рассматриваемый концепт, назвав своих друзей «своей мафией».

Примеры (1) и (2) объединены не только репрезентацией представлений о Стране Советов как государстве, допускающем явления «вне закона», но и актуализацией контекстуальной бинарной оппозиции *мафия* (*государство*) — *художник*. Учитывая смену вектора в примере (2), очевидно, можно говорить о так называемом «переворачивании бинарной оппозиции», которое имеет место при пересмотре ее значения, и образовании нового смысла: *мафия* (*художник*) — *государство*. Образование контекстуальных оппозиций, на наш взгляд, является признаком индивидуальной интерпретации действительности.

Обратимся к рассмотрению следующего интерпретационного блока, который обозначен как «**Социальная стратификация**».

(3) *Neizvestny describes Sverdlovsk as “a city of exiled intelligentsia, aristocracy, and criminals... a city that embodies, as no other, the antinomy of the European and Asian traits of the Russian soul.” A bastion of diversity and freedom, Sverdlovsk was a close-knit community where the cultures of East and West met, where Russians, Tatars, and a large number of Chinese lived and worked* [Leong 2002: 15].

Описание родного города самим скульптором и последующая интерпретация его высказывания автором текста служат репрезентацией представлений о Советском государстве, которое на заре своего образования было страной с выраженным классовыми признаками вопреки официальному провозглашению ликвидации антагонистических классов. Доминирование одних классов над другими не утверждается интерпретатором эксплицитно, но становится очевидным ввиду использования определения *exiled* в качестве цитаты, а также метафоры *a bastion of diversity and freedom* по отношению к Свердловску, из которой следует, что далеко не на всей территории Советского государства соблюдались свободы и допускалось разнообразие. Кроме того, имеет значение и прагматический аспект использования данной метафоры ввиду того, что для потенциальных реципиентов текста, мало знакомых с историей Советского Союза, она может послужить стимулом для их последующей интерпретации положения дел в Советской стране, в которой представители интеллектуального труда и благородного происхождения делили территорию проживания с криминальными элементами.

Наряду с более или менее традиционными классами, в Советском Союзе существовали и специфические слои населения, появление которых было обусловлено эпохой. Обратимся к примеру (4).

(4) *Their social, economic, and political background made Neizvestny’s parents lishentsy, or second-class Soviet citizens deprived of civil rights, including the right to vote and access to ration cards. The authorities could resettle lishentsy anywhere, and their children were not allowed into institutions of higher learning. In the first decades of Soviet rule, individuals from “dangerous” social classes — nobility, capitalists, and counterrevolutionaries — had been placed in this category. Ernst’s father and mother had both suffered from this* [Leong 2002: 17].

Данный фрагмент вполне отражает историческую действительность. Для нашего

исследования он представляет интерес прежде всего вербализацией концепта *lishenцы*, принадлежащего отечественной национальной концептосфере. Англоязычные словари ввиду отсутствия реалии не фиксируют это слово в своих статьях, и автор текста приводит номинацию концепта *lishentsy* транслитерацией, в отличие, заметим, от номинации другого важного для русской культуры концепта *Russian soul* в примере (3). Отметим, что онтологический концепт *русская душа* остается практически без пояснений автора, который эксплицитно интерпретирует этот противоречивый феномен через описание Свердловска, города, являющегося местом встречи двух бинарных планетарных явлений — Европы и Азии. Анализ концепта *lishentsy*, в свою очередь, свидетельствует об интерпретации этого явления, в ходе которой автор, принадлежащий чуждой культуре, сам осваивает общий язык межкультурного взаимодействия и предлагает сделать то же самое реципиентам текста. К слову, на протяжении своего повествования таким же образом Альберт Леонг интерпретирует и другие явления советской действительности, например, *ideinost’, partiinost’, narodnost’*.

Рассмотрим интерпретационный блок «**Социальные возможности**».

(5) *But not all of Erik’s relatives were equally illustrious. His paternal uncle, Sasha, the youngest child of Moisei and Esfir Neizvestny, was a gangster who served ten years in prison for banditry. After Sasha was released from prison, he decided to join the Communist Party because, he boasted, that paid more than stealing. According to Neizvestny, his uncle became a Party bigwig despite his capitalist and criminal background* [Leong 2002: 18].

Как было упомянуто выше, интерпретационные блоки едва ли могут иметь четко очерченные границы, поскольку охватывают пересекающиеся явления. Данный фрагмент, с одной стороны, иллюстрирует репрезентацию представлений о карьерных возможностях, которые давала страна, а с другой — возвращает к интерпретации государства как преступной структуры, у руля которой также могут оказаться вчерашние бандиты. Использование лексемы *bigwig*, отмеченной в словарях принадлежностью к неформальному стилю, отражает авторское представление о вертикали партийной иерархии, а также о легкости, с которой бывший заключенный добился вхождения в партийную верхушку, несмотря на свое скомпрометированное прошлое.

Вместе с тем приведенный пример (5) может быть интерпретирован с точки зрения

присущей государству лояльности по отношению к своим гражданам. В продолжение приведем пример (6), который иллюстрирует интерпретацию государства как покровителя, способного отличить талант и представляющего первоначальную возможность социального лифта в виде достойного образования даже сыну лишенцев.

(6) *A born artist, who was drawing, painting, and modeling clay as long as he could remember, Neizvestny in 1940 won admission by a national competition to an elite school established in 1934 by Sergei Kirov in Leningrad for artistically gifted children — even though Neizvestny was the son of lishentsy parents who had been stripped of their civil rights* [Leong 2002: 29].

Данный фрагмент выявляет еще одно представление о Советском государстве, а именно как о патроне творческой среды, по крайней мере на этапе обучения образующих ее молодых людей. Отметим, что ракурс изучения советского искусства с позиции патрон-клиентских отношений вызывает сегодня исследовательский интерес. Образование и воспитание будущих представителей творческой среды видится англоязычным искусствоведческим дискурсом неотъемлемой чертой советской действительности.

Интерпретационный блок «**Государство и образование**» представляет собой презентацию авторских представлений об обеспечении государством высокого уровня образования.

(7) *Soviet innovations in education have produced outstanding figures who have enriched world culture and sport. It is no accident that towering figures such as Andrei Sakharov, Sviatoslav Rikhter, David Oistrakh, Mstislav Rostropovich, Mikhail Baryshnikov, Maia Plisetskaya, Galina Vishnevskaya, Ernst Neizvestny, and Garry Kasparov have emerged from the Soviet education system. Other countries might well emulate the Soviet experiment to preserve and develop the creative potential of their young people* [Leong 2002: 31].

Автор не остается беспристрастным, интерпретируя достижения советского образования через примеры выдающихся личностей, приобретших наднациональное значение. При этом он не останавливается на перечислении имен — он открыто выражает личное мнение о том, что и сегодня советская система обучения талантов могла бы послужить примером для других стран. Данный фрагмент является репрезентацией авторских представлений о качественном образовании как залоге состоявшейся и содержательной жизни в профессии. По всей

видимости, образование является одним из компонентов его шаблона личностных ценностей, частичному формированию которого послужила интерпретация образования как советской национальной ценности, воплотившейся в деятельности выдающихся советских граждан.

(8) *In the 1942-43 term the general education courses taught at the school included Russian language and literature, history and constitution of the Soviet Union, geography, geology, astronomy, natural history, mathematics, German, chemistry, physics, anatomy, military science, art history, drawing, and perspective. Art courses covered painting, drawing, and composition* [Leong 2002: 36].

Роль образования в стране Альберт Леонг интерпретирует также продолжительным перечислением предметов, которые в самое трудное военное время ученики школы для одаренной молодежи продолжали осваивать. Пример (8) иллюстрирует, что классы по изобразительному искусству составляли их значительную часть.

Интерпретация отношений страны с искусством и страны к искусству актуализируется в интерпретационном блоке «**Государство и искусство**».

(9) *It was the cynical Soviet technique of killing three birds with one stone. First, writings by “enemies of the Soviet State” were kept out of the hands of the Soviet people. Possession of forbidden materials, such as a novel by Solzhenitsyn, was punishable by law and could mean years in a forced-labor camp. Second, the display of books by such banned authors in the Beriozka shops often duped foreigners into thinking that those writers’ works were available to Soviet citizens too, and that Soviet censorship was a fiction concocted by rabid right-wingers. And, third, the very same proscribed books and records were shipped abroad or sold in state-controlled special foreign-currency stores to earn money for the Soviet treasury* [Leong 2002: 67].

Кроме перечисления фактических мер, предпринимаемых государством в части цензуры и контроля над распространением нонконформистских художественных идей, автор формулирует результат интерпретации этого явления советской действительности посредством авторской вариации идиоматического высказывания *To kill two birds with one stone* и эпитета *cynical*. Центральными репрезентантами интерпретационного блока «**Государство и искусство**» выступают концепты *враг советского государства, запрет, наказание, цензура, фикция*.

В процессе интерпретации неотъемлемую роль играет специфика коллективного

(или национального) менталитета, а также менталитета индивидуального. Встреча с проявлениями иной ментальности и попытка их осмыслиения напрямую связана с проявлениями собственного менталитета, что в некоторых случаях приводит к культурологическим коллизиям. Размышляя о советском или — шире — русском менталитете, англоязычные искусствоведы в большинстве случаев, рассмотренных нами, неизменно сопровождают свои утверждения сравнением с собственным, западным менталитетом, зачастую не в пользу менталитета советского.

Обратимся к примерам, репрезентирующими интерпретационный блок «**Национальный менталитет и искусство**».

О советском и русском менталитете англоязычные искусствоведы размышляют как в контексте искусства, так и в более широком — социально-политическом плане. Примеры (10) и (11) иллюстрируют интерпретацию черт русского национального характера, находящих воплощение в русском искусстве.

(10) *Vestiges of the ‘unworldliness’ expressed in the ikon are still to be found in certain Russian attitudes today. This “unworldliness” should not be sentimentalized; it is so defined only in relation to the “worldliness” of competitive individualism in bourgeois society* [John Berger 1997: 21].

Интерпретируя уникальное явление русского искусства — икону, британский искусствовед Джон Бёрджер отмечает такие воплощенные в ней черты русского национального характера, как отрешенность или надмирность, свойственные, по его мнению, представителям советской действительности и «сегодня» (книга увидела свет в 1969 г.). Однако автор не склонен возвышать это качество, интерпретируя его как часть бинарной оппозиции западному, индивидуалистическому менталитету.

(11) *The Russian cannot believe that the meaning of his life is self-sufficient, and therefore that his existence can be pointless. He is inclined to think that his destiny is larger than his interests... This leads in art to an emphasis on truth and purpose rather than on aesthetic pleasure. Russians expect their artists to be prophets — because they think of themselves, they think of all men, as subjects of prophecy* [Berger 1997: 22].

Пример (11) иллюстрирует интерпретацию такой черты русского характера, как вера в высший смысл, посредством обращения к концепту судьба, который часто определяется исследователями как часть национальной концептосферы. Русские, по мнению искусствоведа, определяют смысл собственной

жизни провидением, трансляция которого ожидается через пророка в Отечестве.

Интерпретации подвергаются и те качества советского менталитета, которые проявляются в быту, а также в отношении к существовавшему политическому строю. Обратимся к интерпретационному блоку «**Национальный характер и советский быт**».

(12) *In my own experience, the flip side of the idealism of the Russian Soviets is often sloth; the most ordinary events of daily life regularly demonstrate that ambition and self-motivation are not operative concepts in the U.S.S.R.* [Solomon 1991: XVIII].

Оценка черт советского характера осуществляется через призму собственного опыта автора. В его интерпретации советской ментальности вызвучиваются такие черты, как лень, отсутствие амбициозности, мотивации. Показательно, что интерпретация отмечена обращением к концептам, типичным для англоязычной, в частности американской концептосферы, присущей сознанию автора данного дискурса, с указанием их нерелевантности для советской действительности и ментальности.

(13) *There are things that French, English, and American people simply wouldn’t stand for that Russians seem to accept with equanimity. There is also an emotive moral rhetoric that motivates Russians, but that seems naïve, and therefore politically irrelevant, in the West. Life in a communist country is grim and implacably dreary* [Solomon 1991: XIX].

Как следует из примера (13), ценности советского менталитета, обусловленные коллективной формой организации общества, видятся искусствоведом прямо противоположными западным ценностям индивидуалистического мира. Жизнь в коммунистической стране представляется автору невыносимой.

Отметим также присутствие в исследуемом дискурсе прямых личных оценок колlettivизма как губительного явления. Осмысливая советскую коллективную действительность, интерпретатор не просто изображает ее деструктивное влияние на индивидуальность, но и репрезентирует результат своей интерпретации авторской трансформацией советской песни через кафкианские аллюзии, а также посредством оппозиции *dream — nightmare*.

(14) *This story is testimony of how Soviet life exudes corruption in the form of the collective. Collective corruption is directed at the destruction of any and all forms of individuality, at the destruction of the inner person...*

Therefore, the words from a proud Soviet song — “We were born to make a fairytale come true” — will serve as the book’s epigraph. What will become clear is that the “fairytale” is a nightmare. In my version the words will read: We were born to make Kafka come true [Leong 2002: 26].

Таким образом, в результате рассмотрения интерпретационных блоков, в которых актуализированы представления о национальном характере, создается впечатление, что агенты искусствоведческого дискурса, во-первых, не всегда разделяют русский национальный характер и советский менталитет и что, во-вторых, интерпретация советского менталитета имеет наиболее резкие вербальные репрезентации, обусловленные несогласием с явлениями, интерпретируемыми как реалии советской действительности: коллективизмом, отсутствием индивидуальных инициатив, неосознанием самодостаточности собственной жизни.

Подводя итог, отметим, что англоязычный искусствоведческий дискурс обладает высоким потенциалом для лингвистических исследований в социально-политическом аспекте и дает широкое представление об особенностях и механизмах интерпретации советской действительности. Наряду с обращением к непосредственному объекту своих высказываний — изобразительному искусству, творчеству художников, описанию выставок и культурных событий, специалисты интерпретируют явления советской действительности, причем как в контексте вопросов искусства, так и опосредованно. Обращение к рассматриваемому типу дискурса позволяет выявить репрезентации интерпретационных блоков, фиксирующих основные представления англоязычных искусствоведов об отдельных советских реалиях. Их анализ показывает, что интерпретация советских идеологических или культурных концептов не всегда возможна через обращение к концептам, типичным для англоязычной концептосферы, в то время как интерпретация советской ментальности предполагает соотнесение с западным менталитетом. Интерпретация советской действительности сопряжена с вербализацией универсальных и национальных концептов, контекстуальных оппозиций, метафор, аллюзий, понятных западному читателю, репрезентацией шаблонов личностных ценностей и ментальных установок интерпретаторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Блошенко, Е. В. Элементы архаического мифа в советской культуре / Е. В. Блошенко. — Текст : непосредственный // Дискуссия. — 2012. — № 2 (20). — С. 10—13.
- Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2016. — № 4. — С. 10—20.
- Болдырев, Н. Н. Интерпретирующая функция языка / Н. Н. Болдырев. — Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 33 (248). — С. 11—16. — (Сер.: Филология. Искусствоведение. Вып. 60).
- Егорова, М. А. «Когнитивное пространство» и его соотношение с понятиями «ментальное пространство», «когнитивная база», «концептосфера», «картина мира» / М. А. Егорова. — Текст : непосредственный // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 61—68.
- Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Номинативно-коммуникативный аспект / Е. А. Елина. — Волгоград ; Саратов : Изд. центр СГСЭУ, 2002. — 256 с. — Текст : непосредственный.
- Котеленец, Е. А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия / Е. А. Котеленец. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Сер.: История России. — 2013. — № 3. — С. 76—90.
- Луначарский, А. В. Советское государство и искусство / А. В. Луначарский. — URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/russkoe-sovetskoe-iskusstvo/sovetskoe-gosudarstvo-i-iskusstvo/> (дата обращения: 29.11.2020). — Текст : электронный.
- Милетова, Е. В. К проблеме двойственной природы современного англоязычного искусствоведческого дискурса / Е. В. Милетова. — Текст : непосредственный // Перспективные вопросы мировой науки : материалы VIII науч.-практ. конф. (17—25 дек. 2012 г., Болгария). — София, 2012. — С. 40—46.
- Рёскин, Д. Сезам и Лилия. Лекции об искусстве / Джон Рёскин ; [пер. с англ. С. Коган («Лекции об искусстве»), О. М. Соловьевой («Сезам и Лилия») ; вступ. ст. А. В. Маркова]. — Москва : РИПОЛ классик, 2018. — 488 с.: ил. — (Искусство и действительность). — Текст : непосредственный.
- Строева, О. В. Искусство и философия. Удивительные параллели, необычные интерпретации / О. В. Строева. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Страна, 2019. — 260 с., илл. — (Серия «Формула культуры»). — Текст : непосредственный.
- Янковская, Г. А. Советское искусство в годы позднего сталинизма и «ядровой зритель» / Г. А. Янковская. — Текст : непосредственный // Magistra Vitae. — 2018. — №. 1. — С. 39—45.
- Berger, J. Art and Revolution: Ernst Neizvestny and the Role of the Artist in the USSR / J. Berger. — Vintage Books, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.
- Buckler, J. A. What Comes After “Post-Soviet” in Russian Studies? / Julie A. Buckler. — Text : unmediated // PMLA. — 2009. — Vol. 124 (1) — P. 251—263.
- Goode, J. Redefining Russia: Hybrid Regimes, Fieldwork, and Russian Politics / J. Goode. — Text : unmediated // Perspectives on Politics. — 2010. — Vol. 8 (4). — P. 1055—1075.
- Leong, A. Centaur: The Life and Art of Ernst Neizvestny / A. Leong. — Rowman & Littlefield, 2002. — 353 p. — Text : unmediated.
- Solomon, A. The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost / A. Solomon. — Knopf, 1991. — 310 p. — Text : unmediated.
- Vernon, J. L. Restructuring Science in Russia / Jamie L. Vernon. — Text : unmediated // American Scientist. — 2017. — Vol. 105 (3). — P. 134.

N. Yu. Sokolova

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4149-8901

E-mail: n.y.sokolova@spbu.ru.

Interpretation of Soviet Realities in the English-Language Critical Art Discourse

ABSTRACT. The article provides the results of the study which aims to reveal the ideas about the Soviet state in the English-language critical art discourse. Taking into account the high level of ideologization of Soviet fine arts, English-language critics tend to interpret Soviet realities and give their own individual assessments of them. The study deals with discourse fragments containing evaluative statements and linguistic objectifications of interpretation of Soviet facts of life. The article aims to identify individual modes of interpretation of the Soviet political order, art – state relations and the peculiarities of national mentality and is carried out on the borderline between the cognitive, culturological and discursive approaches. The paper presents an algorithm of exploration and description of the categorial structure called by the author “interpretive block” which is viewed upon as a part of the cognitive space which fixes the process and the results of interpretation of certain real phenomena. The paper analyzes interpretive blocks which represent the ideas about the Soviet state apparatus, social stratification, and social opportunities. The study reveals that English-language critical art experts often consider Soviet realities in comparison with the social organization of western society and give it a negative assessment. The state is treated as a structure similar to the Sicilian mafia practicing methods of manipulation and intimidation on the territory which is under its control. In relation to the sphere of arts, the state is considered the dominant management authority which acts as a patron and establishes the relations with its clients based on censorship. At the same time, some positively evaluated social phenomena are mentioned, for instance, the education system which is considered a model for other countries. The results and the research materials can be used by cognitive linguistics, political linguistics and linguoculturology.

KEYWORDS: Soviet reality; Soviet state; political discourse; critical art discourse; visual art; interpretation blocks; cognitive space; national mentality; English language; linguoculturology; binary opposition.

AUTHOR'S INFORMATION: Sokolova Natal'ya Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English Philology and Linguoculturology, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Sokolova, N. Yu. Interpretation of Soviet Realities in the English-Language Critical Art Discourse / N. Yu. Sokolova // Political Linguistics. — 2021. — No 1 (85). — P. 124–132. — DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_11.

ACKNOWLEDGMENTS. The Study is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 20-012-00276.

REFERENCES

1. Bloshenko, E. V. Elements of the archaic myth in Soviet culture / E. V. Bloshenko. — Text : unmediated // Discussion. — 2012. — No. 2 (20). — P. 10—13. [Elementy arhaicheskogo mifa v sovetskoy kul'ture / E. V. Bloshenko. — Tekst : neposredstvennyy // Diskussiya. — 2012. — № 2 (20). — S. 10—13]. — (In Rus.)
2. Boldyrev, N. N. Cognitive Schemes of Language Interpretation / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Issues of Cognitive Linguistics. — 2016. — No. 4. — P. 10—20. [Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2016. — № 4. — S. 10—20]. — (In Rus.)
3. Boldyrev, N. N. Interpreting function of language / N. N. Boldyrev. — Text : unmediated // Bulletin of the Chelyabinsk State University. — 2011. — No. 33 (248). — P. 11—16. — (Ser.: Philology. Art criticism. Issue 60). [Interpretyuyushchaya funktsiya yazyka / N. N. Boldyrev. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2011. — № 33 (248). — S. 11—16. — (Ser.: Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 60)]. — (In Rus.)
4. Egorova, M. A. “Cognitive space” and its relationship with the concepts of “mental space”, “cognitive base”, “conceptual sphere”, “picture of the world” / M. A. Egorova. — Text : unmediated // Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University. — 2012. — No. 3. — P. 61—68. [«Kognitivnoe prostranstvo» i ego sootnoshenie s ponyatiyami «mental'noe prostranstvo», «kognitivnaya baza», «kontseptosfera», «kartina mira» / M. A. Egorova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. — 2012. — № 3. — S. 61—68]. — (In Rus.)
5. Elina, E. A. Verbal interpretations of works of fine art. Nominitive and communicative aspect / E. A. Elina. — Volgograd ; Saratov : Ed. center of SGSEU, 2002. — 256 p. — Text : unme-
- diated. [Verbal'nye interpretatsii proizvedeniy izobrazitel'nogo iskusstva. Nominativno-kommunikativnyy aspekt / E. A. Elina. — Volgograd ; Saratov : Izd. tsentr SGSEU, 2002. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Kotelenets, E. A. The Image of the Soviet Union in the World: factors and dynamics of perception / E. A. Kotelenets. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Ser.: History of Russia. — 2013. — No. 3 — P. 76—90. [Obraz Sovetskogo Soyuza v mire: faktory i dinamika vospriyatiya / E. A. Kotelenets. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik RUDN. Ser.: Istorija Rossii. — 2013. — № 3 — S. 76—90]. — (In Rus.)
7. Lunacharskiy, A. V. Soviet state and art / A. V. Lunacharskiy. [Sovetskoe gosudarstvo i iskusstvo / A. V. Lunacharskiy]. — URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/russko-sovetskoe-iskusstvo/sovetskoe-gosudarstvo-i-iskusstvo/> (date of access: 29.11.2020). — Text : electronic. — (In Rus.)
8. Miletova, E. V. To the problem of the dual nature of modern English-language art criticism discourse / E. V. Miletova. — Text : unmediated // Perspective questions of world science: materials of the VIII scientific-practical conf. (17—25 December 2012, Bulgaria). — Sofia, 2012. — P. 40—46. [K probleme dvoystvennoy prirody sovremennoego angloyazychnogo iskusstvovedcheskogo diskursa / E. V. Miletova. — Tekst : neposredstvennyy // Perspektivnye voprosy mirovoy nauki : materialy VIII nauch.-prakt. konf. (17—25 dek. 2012 g., Bolgariya). — Sofiya, 2012. — S. 40—46]. — (In Rus.)
9. Ruskin, D. Sesame and Lilies. Lectures on Art / John Ruskin ; [trans. from English. S. Kogan (“Lectures on Art”), O. M. Solovieva (“Sesame and Lilies”) ; entry Art. by A. V. Markov]. — Moscow : RIPOL classic, 2018. — 488 p.: ill. — (Art and Reality). — Text : unmediated. [Sezam i Lili. Lektsii ob iskusstve / Dzhon Reskin ; [per. s angl. S. Kogan («Lektsii ob iskusstve»), O. M. Solov'evoy («Sezam i Lili») ; vstup. st. A. V. Markova]. —

- Moskva : RIPOL klassik, 2018. — 488 s.: il. — (Iskusstvo i deystvitel'nost'). — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
10. Stroeva, O. V. Art and Philosophy. Amazing parallels, unusual interpretations / O. V. Stroeva. — 2nd ed. — St. Petersburg : Strata, 2019. — 260 p., Ill. — (Series “Formula of Culture”). — Text : unmediated. [Iskusstvo i filosofiya. Udivitel'nye parallel'i, neobychnye interpretatsii / O. V. Stroeva. — 2-e izd. — Sankt-Peterburg : Strata, 2019. — 260 s., ill. — (Seriya «Formula kul'tury»). — Tekst : neposredstvennyj]. — (In Rus.)
11. Yankovskaya, G. A. Soviet art in the years of late Stalinism and the “ordinary viewer” / G. A. Yankovskaya. — Text : unmediated // Magistra Vitae. — 2018. — No. 1. — P. 39—45. [Sovetskoe iskusstvo v gody pozdnego stalinizma i «ryadovoy zritel'» / G. A. Yankovskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Magistra Vitae. — 2018. — №. 1. — S. 39—45]. — (In Rus.)
12. Berger, J. Art and Revolution: Ernst Neizvestny and the Role of the Artist in the USSR / J. Berger. — Vintage Books, 1997. — 191 p. — Text : unmediated.
13. Buckler, J. A. What Comes After “Post-Soviet” in Russian Studies? / Julie A. Buckler. — Text : unmediated // PMLA. — 2009. — Vol. 124 (1) — P. 251—263.
14. Goode, J. Redefining Russia: Hybrid Regimes, Fieldwork, and Russian Politics / J. Goode. — Text : unmediated // Perspectives on Politics. — 2010. — Vol. 8 (4). — P. 1055—1075.
15. Leong, A. Centaur: The Life and Art of Ernst Neizvestny / A. Leong. — Rowman & Littlefield, 2002. — 353 p. — Text : unmediated.
16. Solomon, A. The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost / A. Solomon. — Knopf, 1991. — 310 p. — Text : unmediated.
17. Vernon, J. L. Restructuring Science in Russia / Jamie L. Vernon. — Text : unmediated // American Scientist. — 2017. — Vol. 105 (3). — P. 134.